

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Русский флот после русско-японской войны

(1905—1909 гг.).

Постройка судов и судостроительные программы во время русско-японской войны. Первые мероприятия морского ведомства по усилению флота после войны. Создание морского генерального штаба. Запрос морского генерального штаба министру иностранных дел о политических задачах флота. Программа развития и реформ морских вооруженных сил России (доклад начальника морского генерального штаба 2 октября 1906 г. „Малая“ судостроительная программа. Попытка согласования работ военного и морского ведомств. Стратегические основания для плана войны на море, одобренные Николаем II 19 марта 1907 г. Дальнейшее движение вопроса о программе судостроения. Отклонение Государственной Думой кредитов на судостроение. Повеление царя о постройке 4-х линейных кораблей для Балтийского моря. Общий обзор реформ морского ведомства в период 1905—1909 гг. Заключение.

Разгром русского флота в войну 1904—05 гг. не может быть объяснен только стратегическими ошибками, допущенными командованием при ведении боевых операций, хотя ошибки эти и имели громадное значение на исход войны. Основные причины обнаружившейся военной слабости царской России, давшие японцам столь полную победу, крылись в общих условиях того времени, когда государством управляла власть, внутренне разложившаяся, не способная к определенной твердой внешней политике, проводимой неуклонно и систематически, в полном соответствии с требованиями стратегии.

Россия нуждалась в обеспечении выхода на Тихий океан, что являлось одной из основных ее морских проблем. Но русский империализм не довольствовался этой задачей. Его стремления простирались далее—к достижению преобладания в Китае, к устранению конкурента, в лице Японии, на китайском рынке, к захвату господства в северо-западной части Тихого океана. Русская империалистическая политика была противопоставлена империалистической политике Японии, основной идеей которой являлось стремление выйти на материк и получить преобладание над Китаем. Столкновение этих империалистических стремлений являлось неизбежным.

Но в то время как Япония готовилась нанести удар, непрерывно собирала средства для борьбы, а ее правящие

круги вполне ответственно оценивали создающееся положение, — в России царило полное отсутствие плана, системы и понимания обстановки. В атмосфере прогнившего правительственного строя не могли сложиться идеи, которые направили бы политику и стратегию в русло обоснованных, продуманных мероприятий. Авантюристические стремления отдельных лиц, пользовавшихся властью и влиянием, спекулятивные тенденции концессионеров на Ялу¹⁾, планы безответственных руководителей политики сочетались с полной неподготовленностью к войне, необорудованным театром, отсутствием необходимых материальных средств и, наконец, с недостаточно разработанными стратегическими идеями. Правительство было под гипнозом „непобедимости России“, пренебрегало врагом, совершенно недооценивая его сил и не учитывая той действительной военной мощи, какой обладала Япония в 1903—1904 гг.

Морское ведомство было не лучше и не хуже других ведомств. Оно отражало в себе тенденцию внутреннего развала, которая была столь характерна для всего аппарата правительства. Она выразилась здесь в запоздании с сосредоточением сил на Дальнем Востоке (японцы были готовы в 1903 г., мы же предполагали закончить сосредоточение в 1905 г., оставаясь до того слабее их), в необорудованности баз для флота (Порт-Артур не имел даже дока), в отвратительно поставленном снабжении, в негодности флота к войне, в отсутствии достаточно разработанного плана войны; дурная техническая часть, негодные снаряды, неудовлетворительные типы судов, неподготовленность личного состава, цензовая система прохождения службы (не дававшая движения способнейшим и талантливым), упадочное состояние военных знаний, отсутствие военного образования у большинства офицеров, и в особенности адмиралов, и пр. и пр. — все это в целом создало условия, при которых русский флот не мог победить.

Тот хаос в оперативной мысли, проявление которого мы могли видеть из изложенного в предыдущих главах очерка развития флота после 80-х годов, полностью сказался в русско-японскую войну. Потеря половины флота в Порт-Артуре (1-ой тихоокеанской эскадры) и полное уничтожение другой половины в Цусиме (2-ой тихоокеанской эскадры) явились логическим следствием предыдущей деятельности русского морского министерства.

Результаты войны известны.

Балтийский флот погиб. Несколько боевых единиц, которые уцелели, являлись жалкими обломками того грандиозного

¹⁾ Лесные концессии на Ялу принадлежали группе темных дельцов — Безобразову, Абаза и К°, в барышах которой были заинтересованы также некоторые члены царской фамилии.

сооружения, масштаб которого измерялся его задачами—соперничеством с флотом Германии на Западе и стремлением к преобладанию на водах Дальнего Востока. Из этих обломков должен был быть восстановлен флот, способный для разрешения морской проблемы государства обеспечить его морские границы и вывести на путь океанской мировой политики.

Новый созидательный процесс не начался тотчас после окончания войны. Первое время морское ведомство блуждало, не находя курса для новой работы. Его аппарат был явно неудовлетворителен, требовал для коренных реформ обновления. Средства государства были расстроены, началось мощное внутреннее брожение, разразившееся в протесте масс против господствовавшего режима, потрясшее его основы и выразившееся революционным движением 1905—1906 г.г. Сказанное создавало неблагоприятную обстановку для восстановления флота.

Недоверие широких кругов общества к ведомству, приведшему флот к „Цусиме“, еще более осложняло задачу.

Должно было пройти значительное время, прежде чем морское ведомство получило возможность осуществить постройку новых боевых судов по программам, выработанным в соответствии с задачами флота. Наконец, определение самих задач не проходило безболезненно. Ряд противоречий, которые так характерны для внешней политики и стратегии России того времени, сказывавшихся на решении вопроса о флоте, не мало задерживали его создание.

Только в 1909 году было положено начало восстановлению судового состава. Почти три года отнял период переходного времени, в течение которого морское ведомство реорганизовывалось, устанавливались задачи флота, подготавливалась почва и прокладывалось направление, по которому пошло его дальнейшее развитие.

Обзору этого периода мы и посвящаем настоящую главу.

Постройка судов и судостроительные программы во время русско-японск. войны. Первые неудачи флота в Порт-Артуре, вывод из строя нескольких судов нашей эскадры, побудили морское ведомство в середине 1904 года испросить кредиты на экстренную постройку, для пополнения убыли: 1 броненосного крейсера нового типа в 12—14 т. тонн, 3 крейсеров типа „Баян“ и 2 минных заградителей типа „Енисей“. Последние, т.-е. три крейсера и заградители, предполагалось, в виду срочности и нежелания затягивать постройку, осуществить по старым чертежам.

В 1904 году упомянутые суда были заложены, несмотря на то, что самые типы их уже являлись устаревшими¹⁾.

¹⁾ Главный морской архив, дело № 8006.

Независимо от морского ведомства, в виду обильного притока денежных пожертвований от общественных организаций и граждан на восстановление флота, был создан „Особый Комитет по усилению флота на добровольные пожертвования“.

На собранные суммы Комитетом в период 1905—1907 г.г. были построены 18 больших миноносцев по 500—600 тонн водоизмещения и 2 подводных лодки. Позже из остатков средств был заказан в Германии известный „Новик“, послуживший прототипом эскадренных миноносцев, состоящих в строю флотов и по настоящее время.

Постройка эта имела чрезвычайное значение для всего последующего периода. Долгое время после разгрома и гибели эскадр на Д. Востоке эти миноносцы служили основным ядром Балтийского флота (в период русско-японской войны они еще не были закончены и потому избежали гибели) и школой для личного состава, ибо постройка крупных боевых судов, как будет видно ниже, сильно задерживалась.

Помимо этих реальных мер по восстановлению флота, относящихся ко времени начала войны, в морском министерстве и в правительственных кругах обнаружилось стремление к разработке крупных программ судостроения.

К концу 1904 г., когда стало ясно, что силы флота на Дальнем Востоке недостаточны, было решено, в целях сохранения своего политического положения, дать ему сильное подкрепление.

19 октября 1904 года министерство иностранных дел выступило с докладом о необходимости теперь же принять меры к усилению военной и морской мощи России, „в целях защиты наших первостепенных государственных интересов от покушений извне и заключения прочного мира на выгодных для нас условиях“¹⁾.

Однако, этот доклад был опротестован министром финансов, который заявлял, что „никакое государство, а тем более Россия, не в состоянии одновременно с ведением войны усиливать в сколько-нибудь значительной степени свою боевую готовность на суше, а тем более на море“... „Восстановление нами боевого флота,—писал Кокорцев,—впредь до окончания войны должно быть по необходимости ограничено пределами выданных уже заказов и использованием уже существующих верфей и их подготовкой к сооружению боевых судов“...

Но вопрос о широком судостроении снова возник через несколько месяцев.

Пользовавшийся тогда большим влиянием адмирал Дубасов подал ряд горячо написанных записок²⁾ о необходи-

¹⁾ Дело Морискома № 803.

²⁾ Дело Морискома № 11690.

мости, хотя бы с полным напряжением сил страны, немедленно приступить к постройке нового флота значительной силы и осуществить ее в два, два с половиной года. Он приводил при этом следующие доводы:

1) „Настоящей войной разрешается для России не только частный вопрос о том положении, которое она занимала перед войной и которое послужило ближайшим поводом к войне, но обширный общий вопрос о международных политических правах России на азиатском континенте, вопрос о том, приобретает ли Россия или не приобретает, удержит или не удержит за собой необходимое для нее господство на этом континенте...“

2) „Если Россия потерпит неудачу, то она не должна оставаться перед новой войной для того, чтобы непременно приобрести и упрочить за собой это господство“.

3) „Логика прискорбных фактов настоящей войны не могла не убедить Россию, что достигнуть этой цели она может не иначе, как опираясь на грозную морскую силу, на флот, который в интересах настоящего тяжкого положения желательно и важно иметь теперь же или в самом ближайшем будущем“.

4) „Этот флот должен быть закончен безотлагательно, весь разом...“

5) „По чрезвычайной важности задачи, для которой новый флот будет строиться, следовало бы отпустить для этого хотя бы последние средства...“

Записка Дубасова была предметом особого междуправительственного совещания (13 апреля 1905 г.), на которое морское ведомство внесло и свои предположения о необходимости срочной постройки флота. Это совещание, состоявшееся за месяц до Цусимского боя, признало неосуществимым проект адмирала Дубасова в целом, однако, министр финансов соглашался отпустить некоторую сумму на новое судостроение (75 миллионов в семилетний срок). Что касается задач флота, о которых был выдвинут вопрос морским ведомством, то совещание высказалось в том смысле, что главное внимание должно быть обращено на восстановление тихоокеанского флота, а на Балтийском море нужно создать морскую оборону берегов с соответствующими базами и, если необходимо, одну эскадру, „как для самостоятельных действий, так и в виде резерва для Тихого океана“.

Относительно Черного моря совещание признало желательным, чтобы вопрос о проливах был вновь поставлен на очередь при первой возможности. Не признавая вероятным, чтобы наиболее благоприятное решение, т.-е. открытие проливов только для нашего флота, могло осуществиться, большее число членов совещания, тем не менее, высказалось за желательность решения вопроса в смысле открытия проливов

даже для всех, так как в этом случае явилась бы возможность для России иметь общий флот для всех ее морей. При закрытых же проливах—задача, которую до сих пор преследовал черноморский флот, именно занятие Босфора, по мнению военного министра, к которому присоединились и другие члены совещания, должна быть отдалена на несколько лет, так как особый запас, и вообще все не полные еще средства, заготовленные военным ведомством для десантной экспедиции, в настоящее время получили другое назначение и употреблены для надобностей войны с Японией.

Поэтому совещание признало необходимым поддерживать черноморский флот в настоящем его составе, перевооружая суда по мере необходимости и заменяя устаревшие из них новыми, которые должны быть такого типа, чтобы быть пригодными для действий в открытом море.

Между прочим, в постановлении этого совещания сказано: „задачу же, служившую до сих пор основанием всех судостроительных программ черноморского флота, т.-е. занятие Босфора, отложить до более благоприятного времени“...¹⁾

Через месяц после этого совещания произошел цусимский бой.

Разгром флота Кампания была проиграна. Обстановка в русско-япон- резко изменилась.

скую войну. Предположения, которые высказывались еще недавно об усилении тихоокеанской эскадры и о дальнейших задачах флота, уничтожения которого никто не ожидал, отпали. Морское могущество России сделалось нулем.

Вот данные, чем располагала Россия на море в период войны и что у нее осталось к 1906 г.

	Было в составе обеих эскадр Тихого океана.	Оставалось к концу войны.
Эскадренных броненосцев . . .	15	1
Броненосцев берегов. обороны .	3	—
Крейсеров 1 ранга	14	7
2 „	5	2
Минных заградителей	2	—

Первые мероприятия морского ведомства по усилению флота После русско-японской войны. Под давлением общественного мнения царское правительство еще до заключения мира поспешило принять меры к реорганизации морского управления.

Первым шагом в этом отношении было устранение Николаем II безответственного и переставшего заниматься делами флота главы ведомства генерал-адмирала Алексея Александровича. Вместо него был назначен министром адмирал

¹⁾ Дело Морискома № 8006.

Бирилев, назначение коего сопровождалось „рескриптом“ (рескрипт 29 июня 1905 г.), в котором новому министру давался ряд директив относительно „курса“, которого он должен держаться в деле возрождения флота (поднятие и укрепление дисциплины, общие указания на необходимость реформы ведомства, о введении практического заграничного плавания для гардемарин и пр.).

Директива о восстановлении материальных сил флота гласила:

„Что касается выработки и выполнения будущих программ судостроения, то первой священной обязанностью морского ведомства я считаю безотлагательное обеспечение морской обороны отечественных берегов во всех наших водах, а затем уже, в зависимости от средств, постепенное воссоздание боевых эскадр“.

Эти указания легли в основу работы морского ведомства на первое время после войны.

Почти одновременно (8 июня 1905 года) было создано учреждение, имевшее в течение всего рассматриваемого периода большое влияние на дальнейшее развитие флота — совет государственной обороны с вел. кн. Николаем Николаевичем во главе, подчиненный царю непосредственно.

На совет возлагалось: а) обсуждение общих мероприятий военного и морского ведомств; б) наблюдение за последовательным их выполнением; в) обсуждение главнейших предположений военного и морского ведомств в целях войны; г) наблюдение за осуществлением мер обороны страны; д) обсуждение изменений в деятельности военного и морского ведомств; е) обсуждение и согласование междуведомственных разногласий по вопросам государственной обороны ¹⁾.

Морское министерство все свои главнейшие начинания по подготовке к войне впредь должно было проводить через этот совет.

Приступив к разработке планов, морской министр 3-го сентября 1905 года обратился к председателю совета государственной обороны, испрашивая совета для предстоящей разработки судостроительной программы по следующим вопросам: „1) Надлежит ли во всех морях иметь самостоятельные флоты, разумея под словом „самостоятельные“ положение, по которому в каждом море имеются свои судостроительные верфи и адмиралтейства с заводами, способными снабжать флот боевыми и прочими припасами. Или попрежнему Балтийское море будет служить главным депо эскадр и отдель-

¹⁾ Дело Морского № 3276.

ных отрядов судов, посылаемых в различные моря, и останется главной базой в смысле судостроения, ремонта и снабжения боевыми припасами и личным составом? 2) Какие задачи будут возложены на флот отдельно или совместно с сухопутными силами в каждом отдельном море? ¹⁾

Однако, этот намек на желание получить задания для флотов остался без ответа. Последовавшее осенью восстание в черноморском флоте, а затем революция 1905 и 1906 г.г., прокатившаяся по всей России, оттеснили вопросы стратегического характера, к каковым принадлежал и вопрос о судостроении, на второй план.

Лишь в апреле 1906 года морской министр вновь собрал совещание для решения некоторых вопросов, связанных с программой судостроения на ближайшие годы, для подготовки представления в Государственную Думу.

В своей речи адмирал Бирилев сказал, что „военные силы государства должны развиваться по определенной программе; политика должна указать на нужды, министерство финансов указать сумму, которая может быть отпущена на удовлетворение этих нужд, а надлежащее министерство разработает соответственную программу развития этих сил“. „В действительности этого нет и нам приходится обойтись собственными соображениями“.

В этом и ряде последующих заседаний совещания были подвергнуты обсуждению вопросы нового судостроения. Из постановлений, имевших принципиальное значение, необходимо отметить следующие ²⁾:

„1) Береговая оборона недействительна, если она не поддерживается боевым флотом; посему одновременно с ней необходимо иметь и боевой флот.

„2) Вследствие эволюции типа боевого корабля, данный момент наиболее благоприятен для восстановления флота; следует его теперь же развивать. Современных кораблей еще нет ни у кого. Всем в одинаковой мере надо строить флот, и России, чтобы не уступать в будущем возможному противнику, необходимо приступить как можно скорее к постройке больших судов“.

Здесь же были намечены и основные черты нового типа линейного корабля.

30 сентября 1906 года морской министр собрал совещание по вопросу о судостроении, на которое были приглашены министр финансов Коковцев и государственный контролер Шванебах. Ознакомив собравшихся с вопросом и указав, что „в октябре все постройки придут в такое положение, что надо распускать рабочих, если не дать работ и заказов“,

¹⁾ Дело Морискома № 7682.

²⁾ Дело Морискома № 8006.

он просил решить теперь же вопрос о необходимости немедленной постройки двух или четырех линейных кораблей.

Оба приглашенных министра выразили принципиальное согласие на отпуск необходимых кредитов. Этим была подготовлена почва для поднятия вопроса о новом судостроении, с надеждой на его осуществление.

Учреждение морского генерального штаба. Прежде, чем перейти к изложению этого вопроса, необходимо остановиться на крупной реформе в управлении морским ведомством — на создании морского генерального штаба.

В последующем все вопросы, связанные с восстановлением флота, рождались большей частью в его недрах, осуществлялись при его непосредственном и деятельном участии.

До того времени аппаратом для управления морским ведомством являлся главный морской штаб, организация и деятельность которого, особенно в последнее время перед русско-японской войной, была одной из причин поражения русского флота.

Все дела ведомства сходились к главному морскому штабу, начальник коего имел обязанностью: 1) составление соображений об ежегодной программе плавания судов и плане мобилизации флота на случай военных действий, средствах для обороны берегов и ведения крейсерской войны; 2) охранение дисциплины во флоте и инспектирование экипажей, судов, береговых команд, госпиталей и тюрем, и 3) наблюдение за ходом военно-морского и строевого обучения личного состава.

Кроме того, начальник главного морского штаба ведал многими вопросами чисто распорядительного характера.

Работа главного морского штаба шла непланомерно, благодаря смешению в нем различных функций и дурной организации. Начальник главного морского штаба был поставлен в условия, при которых он фактически не мог отдаться всецело важнейшим вопросам, решения которых требовала подготовка флота к войне и руководство ею.

Один из морских офицеров, лейтенант Щеглов, отражая общее недовольство деятельностью главного морского штаба, каковое сложилось в командных кругах флота после неудачной войны, подал записку „Значение и работа штаба на основании опыта русско-японской войны“, имевшую очень крупное влияние на реформу аппарата управления морским ведомством. Он в ней говорит: „нет такого распоряжения, которое бы не исходило от начальника главного морского штаба. Так, напр., высочайшая особа пожелала иметь фотографические снимки пробоин „Новика“ и начальник главного морского штаба собственноручно делает соответствующие распоряжения письменно, при чем из того, что слова „прошу сделать скоро, экстренно“ трижды подчеркиваются, можно су-

дить, как горячо начальство штаба относилось к этому поражению. Когда, вследствие гибели адмирала Макарова, для спешных распоряжений потребовалось возвращение в Петербург с охоты генерал-адмирала, то начальник штаба озабочивается высылкой экстренного поезда на станцию Верещино. В то же время начальника штаба терзают телеграммами о розыске чертежей клеток для броненосцев „Бородино“ и „Орел“, а главный командир „убедительно“ просит начальника главного морского штаба немедленно выслать 4 пульзометра и шланги к ним; на все это начальник штаба собственноручно дает телеграфные ответы, точно так же, как вступает в собственноручную переписку с ведомством православного вероисповедания, испрашивавшего разрешение студентам духовной академии осмотреть Невский и Балтийский заводы...“

„Мог ли, — пишет Щеглов, — начальник штаба при таких условиях сосредоточиться на ходе военных событий? Мудрено ли, что распоряжения военного характера, исходившие из главного морского штаба, были необоснованы и прямо вредны?“

Существовавший военно-морской ученый отдел главного морского штаба, являвшийся оперативным органом последнего, тонул в общем хаосе разнообразных дел.

Главный морской штаб требовал реформы. Это сознавалось многими офицерами флота, из среды которых был выдвинут проект о создании морского генерального штаба, который должен вести оперативными вопросами и плановой подготовкой флота к войне, с оставлением за главным морским штабом лишь строевых и распорядительных функций.

Морской министр адмирал Бирилев не сочувствовал этому движению. Проект о создании генерального штаба был подан окольным путем Николаю II, которого убедили в необходимости реформы¹⁾.

В результате, 2-го апреля 1906 года был образован морской генеральный штаб. Его учреждение сопровождалось следующим рескриптом на имя морского министра:

„Начатые обширные государственные преобразования, направленные к обновлению и преуспеванию дорогого отечества нашего, могут быть с успехом приведены в исполнение лишь при уверенности русских людей во внешней безопасности государства и при сознании неизменного международного положения России, как великой державы. Для достижения этой цели крайне необходимо воссоздание соответственного боевого флота в ряду других вооруженных сил империи и содержание в полной боевой готовности, без которой никакой

¹⁾ Главным проводником идеи создания морского генерального штаба при дворе был начальник морской походной канцелярии А. Ф. Гейден.

флот не может быть на высоте своего государственного значения.

Все усилия и все затраты, которые будут делаемы государством для постройки и боевой подготовки флота, тем не менее могут остаться тщетными, доколе в деле его устроения не будут положены новые начала, обеспечивающие правильную, целесообразную работу всего морского ведомства. Посему, признавая наиважнейшим для флота безотлагательное и коренное преобразование главного морского штаба, ныне ведающего боевой готовностью морских сил, повелеваем: 1) Выделить ныне же из состава главного морского штаба стратегическую часть и связанную с ней организационную часть мобилизации флота в самостоятельное ответственное учреждение, в ряду других установлений. 2) Морской генеральный штаб имеет предметом своих занятий составление плана войны на море и мероприятий по организации боевой готовности морских вооруженных сил империи. 3) Начальник морского генерального штаба определяется и увольняется именным высочайшим указом правительствующему сенату и высочайшим приказом по морскому ведомству. 4) Начальнику управления морского генерального штаба быть по должности неперменным членом совета государственной обороны. 5) Всеподданнейшие доклады морского министерства по управлению морского генерального штаба делать лично начальнику сего управления в присутствии морского министра. 6) Приступить теперь же, в особом совещании, к разработке наказа и временных штатов морского генерального штаба, каковые могут подлежать изменениям по указанию опыта. Да послужит это коренное преобразование одного из главнейших учреждений морского ведомства залогом обновления и стройного развития нашего флота и да укрепит рвение и усердие его личного состава".

1-го мая морской генеральный штаб начал организовываться. Во главе его был поставлен один из выдающихся офицеров того времени—капитан 1-го ранга Брусилов.

Приступая к начальным шагам своей работы, морской генеральный штаб был, прежде всего, озабочен выяснением политических задач флота и обстановки. С этой целью капитан 1-го ранга Брусилов написал министру иностранных дел письмо¹⁾, в котором указывал, что работа вновь образованного морского генерального штаба „требуется раньше всего правильной точки отправления, заключающейся в том, что флот следует строить

¹⁾ Письмо начальника морского генерального штаба Извольскому от 24-го июня 1906 года, № 629.

в полном соответствии с заданиями, выполнение которых будет на него возложено. Указать эти задачи может только политика, как главный руководящий элемент страны". Поэтому Брусилов запрашивал, заключается ли главная задача:

„1) В удержании нашего политического положения в Европе и безотлагательном обращении всех сил и средств на создание флота в Балтийском море, считая соседей на нашей западной границе наиболее опасными?

2) Остались ли на Черном море прежние политические задачи, при которых флот имел определенное назначение — закрыть Черное море, заняв верхний Босфор, или задачи флота расширяются и приобретают постепенную важность в зависимости от направления вопроса о черноморских проливах, македонского и, наконец, серьезности нарождающегося панславитского движения, могущих весьма быстро вызвать на очередь решение вопросов Ближнего Востока мечом?

3) На Дальнем Востоке после проигранной войны наше положение настолько изменилось, что необходимы указания относительно задач, какие предположено преследовать на Тихом океане, чтобы в соответствии с этим приготовить безотлагательно нужные силы“.

Ответ Извольского ¹⁾ не содержал в себе просимых указаний. Он сообщил, что „в сфере отношений между Россией и Англией за последние годы стало замечаться стремление Великобританского правительства достигнуть такого соглашения обеих великих держав, которое устранило бы повод к столкновениям и внезапным недоразумениям“.

Указав, что имеются признаки желания Англии договориться с Россией по всем спорным пунктам, министр иностранных дел не дал, однако, прямого ответа начальнику морского генерального штаба, сославшись на необходимость обсуждения вопросов, могущих быть возбужденными на предстоящих переговорах между Россией и Англией в особом междуправительственном совещании ответственных представителей ведомств с участием начальников генеральных штабов.

Не получив указаний из министерства иностранных дел, морской генеральный штаб был свободен в комментариях политической обстановки, и старался самостоятельно подвести политические основания в свои стратегические предположения. Это мы и видим в первом большом докладе начальника морского генерального штаба царю, который был сделан 2-го октября 1906 года о „программе развития и реформ морских вооруженных сил России“.

¹⁾ Письмо Извольского Брусилову от 1-го августа 1906 года, № 976.

Этот доклад создает определенный рубеж в общем ходе мероприятий и плановых предположений морского ведомства после русско-японской войны. Подводя итог состоянию флота к 1906 году, он намечает следующие перспективы его воссоздания.

Программа развития и реформ морских вооруженных сил России. Доклад начальника морского генерального штаба 2 октября 1906 года ¹⁾. „Развитие вооруженных сил страны только тогда может совершаться планомерно, когда необходима их вызывается удовлетворением потребностей внешней политики“.

„При создании нашего флота великим основателем была ясно определена цель и программа создания морских вооруженных сил. Но когда эта программа была исчерпана, то в последующее время никакой твердой идеи развития морских сил не существовало. Правда, были неоднократно попытки определить задачи флота и соответственно им развить морские вооруженные силы, но попытки эти никогда не были доведены до конца, частью по финансовым причинам, частью по отсутствию преобладания взглядов лиц, стоящих во главе военно-морского управления.“

Хотя отечество наше упрочило и расширило свои границы благодаря морским войнам, но отсутствие ясной и определенной программы подготовки к войне мы возмещали чрезвычайным напряжением сил в решительные моменты.

Руководители нашей военной политики не понимали тогда, что морская сила государства вырастает медленно и не терпит в направлении своего развития скачков и перерывов, и что поэтому, дабы ускорить рост, нужен прежде всего стройный и предусматривающий ее развитие на десятки лет вперед план ее создания. Такого плана у нас не было.

Вследствие этого, ближайшей задачей морского ведомства в настоящее время является:

- 1) упорядочить имеемые морские силы и средства,
- 2) установить цель и программу дальнейшего развития морских вооруженных сил“.

Охарактеризовав основные условия организации флота (назначение судов, организация соединений, разделение флота на категории, основы комплектования) и организации подготовки театров военных действий, начальник морского генерального штаба с особенным вниманием остановился на стратегических задачах и путях к воссозданию флота.

Сущность доклада сводилась к следующему:

а) Обзор состояния флотов.

Балтийский флот. „Мысль о необходимости для нас надежной защиты балтийских вод в виду быстрого и плано-

¹⁾ Архив Морискома, дело—отдельный печатный оттиск.

мерного роста флота Германии еще задолго до войны озабочивала морское министерство, которое и наметило соответствующее этой цели кораблестроение. В 1896 году политика наша на Дальнем Востоке потребовала присутствия значительных наших сил в Тихом океане, и под этим влиянием забота о Балтийском море постоянно отходила на второй план. В Балтийском море создавались корабли исключительно для эскадр Тихого океана, которые и уходили по назначению по мере своей готовности.

„Во время войны 1904 года спешно была начата постройка на добровольные пожертвования минных крейсеров, предназначавшихся также для Дальнего Востока, куда уже были отведены все суда, имевшие хотя какое-либо боевое значение. Таким образом, состав и типы судов балтийского флота неизбежно являются как бы случайными“.

К 1906 году в балтийском флоте состояли крупные суда:

2 броненосца („Слава“ и „Цесаревич“).

1 броненосец старой постройки („Александр II“).

2 броненосных крейсера („Россия“ и „Громобой“).

4 крейсера 1-го ранга („Олег“, „Богатырь“, „Диана“, „Аврора“).

Характеризуя качества линейных судов, начальник морского генерального штаба указал, что все они являются весьма несовершенными и ничтожными в количественном отношении по отношению к нашим возможным противникам. Линейным кораблям не придано, кроме того, никакой организации, а потому „в Балтийском море линейные суда ни в каком отношении не представляют реальной силы“.

Приводя состав минных судов:

20 минных крейсеров,

11 миноносцев типа „Сокол“,

10 „ „ „Циклон“.

40 номерных миноносцев,

он говорит, что „по численности они весьма близки к минному флоту Германии, но в виду отсутствия должной организации, прочного и хорошо подготовленного кадра команд, отсутствия пловучих средств для обслуживания, delicate их механизмы быстро приводятся в негодность, и в настоящее время все 40 миноносцев должны быть подвергнуты капитальному ремонту“.

Точно так же, „располагая 5 подводными лодками, необеспеченными постоянным и полным кадром, нет залога для прочной их организации“.

Военные порты и их оборудование. Переходя к портам, начальник морского генерального штаба свидетельствовал, что за последние 10 лет все средства шли на с-у достроение, не уделяя пропорционального количества их на

оборудование портов. В результате портовое хозяйство оказалось в печальном состоянии.

В Кронштадте (главном порте Балтийского моря) из 4-х имеющихся доков для больших кораблей годен только один, и то при нормальной осадке, в случае же аварии и вынужденного увеличения углубления судов негоден и он. Кронштадский завод построен 50 лет назад и за этот период совершенно не следовал развитию техники: мастерские малы, дурно оборудованы, водоснабжение Кронштадта в невозможном состоянии, отсутствуют пожарные организации при доках; в отношении погрузки угля порт удовлетворяется первобытными способами. Вследствие неудовлетворительности освещения ночные работы в порту затруднительны.

„Ко всем недочетам Кронштадтского порта следует прибавить еще один — недостаточную его защиту крепостными сооружениями.

Дальность стрельбы современных орудий дает возможность бомбардировать Кронштадт, что представляет для него величайшую опасность, по причине большого скопления взрывчатых веществ..“

Средства следующего по величине после Кронштадта порта Либавы так же недостаточны, многих необходимых станков нет, нехватает пловучих средств и пр.

Свеаборгский порт рассчитан лишь для обслуживания 10 миноносцев.

Петербургский военный порт также имеет ряд крупных недочетов.

Недостаток снабжения, отсутствие в портах неприкосновенных запасов и прочего, необходимого флоту, приводило начальника генерального штаба к такому же безотрадному выводу, как и при обзоре судового состава.

Черноморский флот. В составе Черноморского флота к 1906 году были следующие суда:

8 броненосцев: „Чесма“, „Синоп“, „Екатерина II“, „Георгий Победоносец“, „XII Апостолов“, „Ростислав“, „3 Святителя“, „Пантелеймон“¹⁾.

2 крейсера — „Кагул“ и „Очаков“.

1 старый крейсер — „Память Меркурия“.

3 минных крейсера: „Капитан Сакен“, „Гридень“, „Козарский“.

13 эскадренных миноносцев.

10 миноносцев.

2 минных транспорта.

6 канонерских лодок.

10 транспортов.

¹⁾ Бывший „Кня. Потемкин Таврический“.

В постройке: 2 эскадренных броненосца („Евстафий“ и „Иоанн Златоуст“). 4 минных крейсера (типа „кап. Баранов“).

Приводя перечень судового состава черноморского флота, начальник морского генерального штаба говорил, что, хотя он и составлял по численности почти полную боевую эскадру, но так как создавался в течение большого периода времени, за который военно-морская техника быстро прогрессировала, а наше судостроение не успевало за ней следить, большая часть судов построена по устаревшим чертежам. В настоящее время суда первой постройки настолько отличаются по своей конструкции и вооружению от позднейших, что было бы нецелесообразно ставить их в одну боевую линию. Кроме того, огромный недостаток морской силы на Черном море заключается в отсутствии подводных лодок. Черноморский флот, действуя даже в настоящем своем составе, в связи с подводным флотом, мог бы широко развить оборонительные операции у проливов“.

Что касается портов Черного моря, то доклад генерального штаба рисует их состояние таким же, как и в Балтике.

В Севастополе негодны доки для новых судов, порт плохо оборудован и снабжен, не организована подача запасов на корабли, существующая крепостная защита не обеспечивает безопасности порта.

В Николаеве, который уже 5 лет строил боевые суда, нет никаких современных приспособлений для облегчения и удешевления работы. Канал доведен только до 25 футов глубины, так что приходится достраивать корабли в Севастополе; отсутствуют доки для больших судов и миноносцев.

Начальник генерального штаба объяснял общий упадок черноморского флота тем, что в течение ряда лет, когда все внимание было направлено на Дальний Восток, пренебрегался вероятный противник черноморского флота—турецкий флот и была неправильной организация его управления.

В Тихом океане. На Тихом океане оставались незначительные силы: 2 крейсера („Аскольд“ и „Жемчуг“), 1 канонерская лодка („Манджур“) и 13 эскадренных миноносцев.

Состояние Владивостока для их обслуживания признавалось недостаточным.

б) Военно-политическая обстановка.

В этой части доклад генерального штаба касается общих условий, при которых происходило развитие флота, и комментирует военно-политическую обстановку, сложившуюся после русско-японской войны.

„В развитии военного флота были периоды,—говорит доклад,—когда он был в полном забвении, чего никогда не случалось с армией. Эта неустойчивость в принятом курсе

отражалась тяжелым образом и на состоянии флота и на программах судостроения и служила причиной громадного разнообразия в самих типах кораблей, чем русский флот всегда очень невыгодно отличался от однородных флотов сильных морских держав.

Шаткость идеи предопределенного противника, против которого строился и готовился флот, вынудила Россию к самой гибельной операции — перемене противника почти накануне войны. Эта операция стоила нам гибели флота и вместе с тем потери не только международного престижа, но и государственной безопасности.

С лишением флота стало ясно до очевидности и его значение. Положение России вдруг стало критическим. Со всех сторон выступила возможность событий самого грозного свойства, бывших доселе в скрытом состоянии и казавшихся нам парализованным призраком нашего флота.

Утрата флота на Дальнем Востоке повлекла за собой неисчислимы потери и сразу вынудила нас оставить там огромную армию, присутствие коей на время сдержит вождения противника, но едва ли спасет наше достоинство от дальнейших захватов... Флот был единственным защитником Дальнего Востока, идея защиты которого флотом была совершенно правильная и единственно возможная, но не выполненная по непониманию сущности современного флота, не могущего оперировать без надежно оборудованных баз, черпающих свои ресурсы на месте, отсутствия проверки боевой готовности флота непрерывным плаванием и маневрами, имеющими объектом определенного противника.

Война косвенно, а смута непосредственно повлияли на ослабление черноморского флота. Между тем, участие России в решении всех вопросов Ближнего Востока потребует наличия сильного флота в Черном море, отказ же от участия в решении их повлечет еще более тяжелые последствия, нежели поражения на Дальнем Востоке.

Утрата флота на Балтийском море имеет еще более реальное значение, она не только чревата грозными последствиями в будущем при господстве на море могущественного соседа, но и отзывается расстройством самого государственного организма“.

„Значение флота в общем состоянии государственной мощи столь огромно, что отсутствие его совершенно изменяет политическую и военно-стратегическую обстановку“.

Обрисовав положение военно-морских приготовлений возможных противников, а также возможные враждебные политические комбинации, начальник морского генерального штаба приходит к выводу, что Россия поставлена в условия борьбы на два фронта — восточный и западный.

„Руководительницей на восточном фронте будет Япония, а в случае вмешательства в войну Китая положение наше будет до чрезвычайности трудное, так как должно повести к отступлению России от берегов Тихого океана, так как в случае сосредоточения наших сухопутных сил для защиты Уссурийского края они легко могут быть отрезаны Китаем“.

„Руководительницей на западном фронте будет Германия, обладающая кроме могущественной армии еще организованным и сильным флотом“.

„Правый фланг нашего западного фронта — Балтийское море с прилегающими к нему Прибалтийским краем и Финляндией — за отсутствием у нас флота, совершенно обнажен вплоть до самой столицы“.

„Левый фланг нашего западного фронта прикрывается черноморским флотом. Турция, примкнувшая к коалиции тройственного союза, для отвлечения сил наших от западной границы, может повести наступление на Закавказье. Парализовать это наступление может только флот, ударом в самое чувствительное место Турции, при чем предвидится возможность столкновения нашего флота соединенными силами турецкого, австрийского и румынского флотов“.

„Что на всем западном фронте решается судьба России, не может быть сомнений. Колоссальное напряжение существующих сил обоих противников на западной границе доказывает это с полной очевидностью. Поражение здесь грозит самому бытию государства и отсюда ясно, какое громадное значение получит ослабление наших сил на западном фронте и фланге. Стратегические условия Балтийского моря, допускающие глубокий охват правого фланга, столица, лежащая на морском берегу, отсутствие флота на этом море, готовность к наступлению двух флотов и десантов, брожение на окраинах, возможность восстания в Финляндии в случае роковой борьбы прямо указывают, что наш правый фланг, а следовательно, весь западный фронт, находится в грозной опасности“.

Оценивая обстановку момента, начальник генерального штаба приходит к заключению, что наш главный противник — Германия. Но не только Германия. Он склонен еще более опасным врагом считать Англию.

Примечание. В докладе приводится историческая справка в развитие этой мысли. „Направляющей рукой была всегда Англия. Для приобретения господства на морях, постоянное стремление Англии состояло в том, чтобы ослаблять флоты всех прочих морских держав. Стремление это обнимает обширное поле действий Англии на всеобщем политическом поприще и имело громадное значение на всех путях к достижению исторических задач“. Англия при Петре I трижды присылала флот в Балтийское море, но это не помешало Петру закончить великую северную войну выгодным Ништадтским миром, при содействии созданного им флота. По приобретении нами Крыма, Англия прилагала все усилия, чтобы возбудить против нас Швецию и Турцию,

и давала Швеции субсидию для ведения войны. Лишь решительные победы Ушакова склонили Турцию к выгодному для нас миру 1791 года. Одновременно только Балтийский флот успел спасти Петербург от нападения шведов. В Шведскую войну 1808—09 г.г., закончившуюся присоединением Финляндии, Англия присылала в Балтийское море свой флот с враждебными для нас целями. В 1841 году усилиями Англии Босфор был поставлен под контроль всех европейских держав и Ункиар Искелесский договор изменен в невыгодную для нас сторону, а в 1854—55 г. Черноморский флот был уничтожен лишь в интересах одной Англии, и по ее настоянию внесена статья, коей Россия лишалась права держать свой флот на Черном море. В русско-турецкую войну Англия оказывала явную помощь Турции. В русско-японскую войну—явное содействие Японии. „Ныне Англия пробует почву для соглашения с нами по самым разнообразным политическим вопросам, а может быть и для союза, имея, повидимому, к тому веские причины“. „Три раза Россия была в союзе с Англией, но все три раза этот союз имел одни бедственные последствия. В 1800 году союз кончился тем, что эскадра Ушакова, по причине враждебного отношения англичан, принуждена была вернуться. У союзника нашего, Дании, была разгромлена столица. В 1807 году был снова разрушен Копенгаген, захвачен Датский флот, а потом и русская эскадра Сенявина“.

„Англия теперь ищет соглашения с нами, а может быть и союза. Цель его—вызвать обострение отношений наших с Германией и втянуть нас в войну с ней. Англия хочет одновременно потрясти окончательно наше могущество на суше и ослабить своего соперника—Германию—на море. Заручившись согласием Франции и с нами, Англия поставит Германию в тиски. В таком положении Германия не сможет спокойно ждать усиления соседей и будет вынуждена броситься на Россию, как менее готовую, и против которой могут быть сосредоточены и силы ее союзника Австрии.

В этой борьбе Англия, не участвуя лично, пожнет только плоды.

Обострение отношений с Германией грозит нам величайшей опасностью, с Англией же не меняет дела, так как эти отношения были всегда враждебны. Содействия реального, согласно исторического опыта, в наших делах Англия не окажет.

Поэтому все шансы за союз с Германией против Англии. Нам представляется редкий случай воспользоваться тем, что могущественная держава стремится и готовится к борьбе с Англией, и надо всячески способствовать этому. Такой случай был у нас в начале прошлого столетия и теперь мы можем учесть, во что нам обошелся отказ от него. Нам надо стремиться достигнуть того союза с Германией, чего хочет достигнуть Англия союзом с нами¹⁾.

¹⁾ Курсивы наши. М. П.

Заканчивая свой обзор военно-политической обстановки, указав на историческую роль флота и задачи его в прошлом, начальник генерального штаба приходил к заключению:

„Исследование будущих задач нашего флота, с развитием которого столь очевидно и столь тесно связано развитие, процветание и могущество нашего отечества, приводит к заключению, что каждый из самостоятельных морских театров войны должен иметь вполне законченную организацию своего флота и располагать в своих базах всеми средствами для самостоятельного существования.

Каждый из трех самостоятельных флотов имеет столь обширные задачи по отношению своих исторически предопределенных противников, что для правильного расчета, на прочном основании своего морского могущества, Россия должна и может примириться с тяжкой необходимостью быть всегда во всеоружии там, где лежат пути к ее мировому назначению.

Великая историческая задача на Ближнем и Дальнем Востоке может быть разрешена только при развитии морского могущества и при помощи сильного боевого флота на Черном море и в Тихом океане, главным противником которого на протяжении двух столетий являлась Англия, которая пользовалась для этого силами наших соседей.

К решению этих задач мы не можем приступить, пока не обезопасим себя на западе созданием флота на Балтийском море, где грозит нам наибольшая опасность.

Для достижения намеченной цели в настоящем и для развития морского могущества в будущем, мы должны быть в дружбе, прежде всего, с нашим западным соседом, чтобы получить возможность всесторонне подготовиться ко времени решительной борьбы“.

В следующей части своего доклада начальник морского генерального штаба переходит к возможному содействию флота при обороне, при чем останавливается на всех трех театрах войны, указав, что планы войны будут составлены особо (стратегические основания для этих планов были доложены царю в марте 1907 г.—см. ниже).

„В настоящее время,—говорит доклад,—в виду ничтожности сил, нам не представляется возможным вести какие-либо наступательные операции, а остается одно: использовать наши слабые силы для обороны важнейших пунктов побережья“.

Признавая самым важным балтийский театр, начальник морского генерального штаба говорит о необходимости сосредоточить все наши кораблестроительные силы и средства на Балтийском море и поставить себе целью создать на этом море в кратчайший промежуток времени, и во всяком случае

не более 4—5 лет, флот, который был бы в состоянии бороться с германским флотом при оборонительной войне. Что касается черноморского флота, то „по приведении его в порядок он будет представлять достаточную силу и в ближайшем будущем не потребуются его усиление“. „Создавать же флот на Дальнем Востоке не представляется в настоящее время возможным“.

Относительно судостроительной программы в докладе высказываются основные взгляды: чтобы иметь возможность бороться с германским флотом при оборонительной войне, необходимо создать линейный активный флот, так как минный флот без поддержки линейным флотом не в состоянии оказать германскому флоту сколько-нибудь значительное сопротивление. „Строить важно не отдельными кораблями, но сразу целый тактический организм—эскадру“ (4 броненосца, 2 бронированных крейсера, 6 легких крейсеров, 20 эскадренных миноносцев).

„На Балтийском море нам необходимо и достаточно построить теперь одну такую эскадру, и это надо будет выполнить в кратчайший срок—в 4 года. Если это условие соблюдено не будет, то через 4 года одной эскадры будет уже недостаточно и необходимо будет построить две“.

Учитывая уже строящиеся и имеющиеся суда, морской генеральный штаб считал необходимым выстроить вновь 4 броненосца, 1 броненосный и 3 легких крейсера и 10 эскадренных миноносцев.

Далее доклад указывал на необходимые мероприятия в отношении оборудования портов, реформы организации и подготовки личного состава и пр.

Этот доклад, значительная часть которого здесь воспроизведена, рисует отправные идеи, которыми руководствовался молодой морской генеральный штаб, принимаясь за свою работу.

Несмотря на то, что доклад по морскому „Малая судостроительная программа“ генеральному штабу от 2-го октября 1906 года был представлен через морского министра, последний, не дожидаясь его результатов, вошел в совет министров с просьбой об отпуске средств на постройку двух линейных кораблей, ссылаясь на совещание 30-го сентября, в котором министр финансов и государственный контролер не возражали против внесения морским министерством соответствующего проекта. Совет Министров признал необходимым иметь по этому делу заключение совета государственной обороны, куда очень скоро, 24-го октября, вопрос и был передан на рассмотрение. Главный мотив, который был выставлен адмиралом Бирилевым в пользу немедленного начала судостроения—опасение оставить заводы без работы.

В представлении совету государственной обороны морской министр указал, что он выступает не с целой программой судостроения, а лишь с этим частным вопросом о постройке двух кораблей, которая является бесспорной, какая бы судостроительная программа впоследствии ни была принята.

Через 2 дня, 26-го октября, записка была поставлена на обсуждение совета государственной обороны. В заседании имели место крупные разногласия. В частности, по поводу того, какой России нужен флот, сухопутные члены совещания указывали, что он должен быть преимущественно минный, морские же доказывали целесообразность линейного.

Председателем совета вел. кн. Николаем Николаевичем был поставлен вопрос: „признается ли возможным обсуждение вопроса о двух проектированных броненосцах без всякой кораблестроительной программы, или же для решения этого вопроса необходима предварительная обстоятельная разработка судостроительной программы для балтийского флота, хотя бы на ближайшее время, с указанием, какая из работ должна быть поставлена в первую очередь и какие в последующие?“

Громадное большинство членов высказалось за невозможность решения вопроса о постройке двух броненосцев, признав необходимость разработки судостроительной программы для Балтийского моря (адмиралы Бирилев и Диков остались при особом мнении, настаивая на постройке этих кораблей, не дожидаясь составления судостроительной программы).

На основании баллотировки, совет государственной обороны постановил: „Не предпреляя ныне вопроса о постройке двух броненосцев типа „дредноут“, предложить морскому министру, по соглашению с начальником генерального штаба и с начальником морского генерального штаба, выработать подробно мотивированную судостроительную программу для балтийского флота на ближайшие годы, с указанием очередей последовательного приведения в исполнение предложенных мероприятий“. Постановление оговаривало отдельное мнение Бирилева и Дикова.

По докладе государю, последний положил резолюцию: „согласен с мнением большинства“, о чем морской министр был уведомлен 24-го декабря.

Вследствие постановления совета государственной обороны адмирал Бирилев приказал морскому генеральному штабу составить программу судостроения для Балтийского моря. 19 декабря начальник последнего представил проект „малой судостроительной программы на ближайшее четырехлетие“ с обстоятельной запиской.

По мнению генерального штаба, в программу должна была войти постройка следующих судов:

4 эскадренных броненосца в	21.000 т.
1 брон. крейсер в	18.000 „
3 легких крейсера по	4.200 „
10 минных судов.	

Кроме того, учтены расходы на расширение и оборудование портов.

Однако, поручив морскому генеральному штабу составление программы, адм. Бирилев это же задание дал и главному морскому штабу. Таким образом, два учреждения, функции которых, казалось бы, не должны были перекрещиваться, принялись за ту же работу. Здесь сказалась, с одной стороны, еще не проведенная до конца реформа управления, а с другой—недоверие, которое питали допусимские деятели, в том числе и Бирилев, к молодому генеральному штабу. Бирилев был явным противником его создания. Учреждение генерального штаба было проведено без его участия, и он всюду, где мог, тормозил его развитие. В данном случае он не склонен был доверить ему разработку столь важного вопроса, как проект судостроительной программы.

Программа главного морского штаба отличалась от программы генерального штаба. Она предусматривала:

4 эскадренных броненосца,
8 легких крейсеров,
12 миноносцев,
4 подводных лодки.

Иначе рассматривались и нужды портов. Стоимость программы главного морского штаба была 149,66 млн.

Но несмотря на расхождение обеих программ, морской министр не счел возможным согласовать их самому и послал обе программы на заключение заинтересованным ведомствам, чем, естественно, дискредитировалось все начинание и демонстрировалась несостоятельность морского ведомства.

Несогласованность программ обратила внимание совета государственной обороны, председатель которого сообщил морскому министру, что в таком виде они рассмотрены быть не могут.

Авторитет Бирилева после его неудачных выступлений с программами судостроения и в особенности в виду противодействия организации и работе генерального штаба, был потерян и вместо него министром был назначен адмирал Диков.

Попытка согласования работы обороны, судостроительные программы морского ведомства подлежали предварительному согласованию между начальниками сухопутного и морского генеральных штабов.

В виду этого, 9 января 1907 года Брусиловым и ген. Палицыным был составлен и совместно представлен Николаю II доклад, получивший одобрение.

Этим докладом были установлены задачи флота на всех морях.

На Балтийском море „сухопутной армии важно быть уверенной, что морские силы империи в этих водах в состоянии помешать и в крайности затруднить десант восточнее меридиана реки Наровы. Положение сухопутной армии было бы обеспечено, если бы указанная граница, по имеющимся морским средствам, могла бы быть отодвинута западнее к меридиану Ревеля или, еще лучше, к Оланд-Моонзунду“.

На Черном море: „обеспечение господства на Черном море требует, чтобы флот был могущественным и характера активного, дабы быть в состоянии исполнить важнейшую в судьбе России задачу—открыть и обеспечить за нею проливы. Эти условия побуждают стремиться к созданию сильного активного флота и к созданию средств для борьбы на Дунае, дабы обезвредить опасность, которая грозит нашему богатому югу от соединенных покушений Австрии и Румынии“.

На Дальнем Востоке „в ближайшие годы приходится ограничиться развитием обороны побережья и, главным образом, двух важнейших пунктов: Владивостока и Николаевска на Амуре. Но с такой до крайности скромной ролью флота на Дальнем Востоке можно с горечью мириться лишь временно, так как сохранение в наших руках тихоокеанского побережья и преследование каких-либо дальнейших задач на Дальнем Востоке невозможно без развития морского могущества и наличия сильного боевого флота в водах Тихого океана. Следует иметь в виду, что политическая обстановка вообще может быстро меняться, и это тем более заслуживает внимания, что срок окончания англо-японского союза наступит в 1915 году, а потому к этому времени самой жизнью может выдвинуться настойчивая необходимость иметь к этому сроку готовую и свободную морскую силу, способную двинуться на Дальний Восток“.

Отклонив постройку двух линейных кораблей, совет государственной обороны обратился к обсуждению вопросов об обороне наших побережий, поводом к чему послужил внесенный в совет вопрос о разграничении прав и обязанностей морских сухопутных начальников при совместных действиях и объединении власти в приморских крепостях ¹⁾.

Постановление совета имело большое принципиальное значение для последующего развития отношений между военными

¹⁾ Дело Морискома № 3304.

и сухопутными начальниками и в некоторой своей части послужило причиной многих недоразумений на этой почве.

Сущность его заключалась в следующем:

1) Совет находил необходимым при выработке нового положения об управлении войск и при переработке морского устава принять к руководству необходимость общих положений о главнокомандующем и учреждения при нем соответственного органа для управления морскими силами (морской отдел у сухопутного главнокомандующего) или сухопутными силами (сухопутный отдел у морского главнокомандующего); о равенстве в служебной иерархии командующих флотом и армией и о совместных действиях (объединение власти по сравнению должностей, при чем должно быть установлено служебное соответствие должностей обоих ведомств).

2) Постановлено просить обоих начальников генеральных штабов совместно выработать план морской обороны побережья всех русских морей, при чем даны указания („желательно“):

а) распределить военно-морские силы в каждом море на свободно действующие, не имеющие непосредственной задачей обороны берегов, и на предназначенные специально для береговой обороны, поставив последним силам на каждом участке обороны соответственные задачи, в связи с задачами сухопутных сил, предназначенных для той же цели;

б) разработать организацию прибрежного наблюдения в военное время при условии оставления в мирное время пунктов дальнего наблюдения в ведении морского ведомства и пунктов ближнего наблюдения в ведении пограничной стражи;

в) установить отношения в мирное время комендантов каждой из приморских крепостей как к командующему армией, в район которой входит данная крепость, так и к командующему флотом, оперирующему в море, на берегу коего расположена эта крепость, определив эти отношения в зависимости от стратегических задач, возлагаемых на каждую из приморских крепостей.

3) Решено переработать положение об управлении крепостями, при чем были выставлены следующие принципиальные положения (приводим главнейшие):

а) комендант крепости является начальником гарнизона, коему подчиняются береговые флотские части;

б) ему должны быть предоставлены права для более действительного надзора за этими частями;

в) каждая приморская крепость должна иметь свои морские средства обороны, количество и состав коих должны

исчисляться для каждой крепости особо, в зависимости от стратегического значения ее и от местных пограничных условий. Вообще эти средства могут состоять из подвижной минной обороны судов, предназначенных для сторожевой службы и траления фарватеров, для войсковых перевозо-разведочных и посыльных судов и проч.;

г) все морские средства обороны каждой крепости должны принадлежать морскому ведомству и возглавляться морским начальником, подчиненным коменданту крепости;

д) коменданту крепости не должны подчиняться находящиеся на рейде суда, входящие в состав боевых эскадр;

е) если при блокаде или осаде крепости находящийся в ней боевой флот лишен будет возможности предпринятия каких-либо активных действий на море, то и сам флот, а так же все запасы и средства морского ведомства (порты, склады и проч.) должны переходить в полное и непосредственное подчинение и распоряжение коменданта крепости.

Факт невозможности предпринятия флотом каких-либо активных действий на море устанавливается командующим флотом на основании решения совета флагманов и капитанов. Об этом решении немедленно сообщается коменданту.

4) Ряд пожеланий относительно согласования дисциплинарных уставов.

5) „Признать, что приморские крепости должны оставаться в ведении военного министерства“.

В изложенных постановлениях совета государственной обороны прежде всего видна тенденция согласовать деятельность как самих ведомств, так и начальников, не в смысле широких плановых мероприятий, а в мелочах и узких вопросах, в пунктах непосредственного соприкосновения деятельности частей флота и армии. Предложение разделить флот на морской и прибрежный, а задачи последнего связать с задачами сухопутных сил на побережье, показательно для взглядов совета. В равной мере характерным является выделение морских средств для крепостей в подчинение последним—что, равно как и помянутое разделение флота на категории, направлено в сторону раздробления морских сил. Удержание приморских крепостей в руках военного ведомства, при полной отчужденности последнего от планов флота, с которыми считаться оно не имело особой склонности, приводило к ряду затруднений в осуществлении планов обороны. Взгляды морского и сухопутного ведомств на назначение отдельных крепостей весьма разнились между собой, и на этой почве происходили между ними постоянные споры и несогласия (см. гл. VII).

Стратегические основания для плана войны на море, одобренные царем 19 марта 1907 года ¹⁾.

Между тем, морской генеральный штаб продолжал работать над составлением соображений кои должны были быть положенными в основу планов войны на море и воссоздания флота.

Одобрение „программы воссоздания и реформы морских вооруженных сил России“, а так же установленные совместно с начальником сухопутного генерального штаба задачи флоту (см. выше) дали возможность развить последние в виде „стратегических оснований для плана войны на море“, каковые были представлены царю 19 марта 1907 года.

Ими устанавливались определенные идеи решения задач флота на каждом море, исходя из которых намечался состав необходимых сил.

Оставляя в стороне общие соображения, которые аналогичны, в большей своей части, изложенным в докладе морского генерального штаба от 2 октября 1906 года, сущность „стратегических оснований“ сводится к следующему:

По балтийскому театру.

Наиболее вероятным врагом считается Германия, обладающая сильным военным и многочисленным коммерческим флотами, способная произвести десант на наше побережье в тыл развертывания армии.

Швеция предполагается вероятным союзником Германии.

В виду слабости нашей обороны и отсутствия сильного флота, „наиболее вероятен удар по столице, так как занятие ее неприятелем сможет ускорить развязку войны“.

Отсюда делаются заключения:

1) Россия на Балтийском море никаких наступательных задач не имеет и преследовать их не может, а потому характер войны для нас будет исключительно оборонительный.

2) Создание надежной обороны балтийских вод необходимо закончить скорейшим образом.

3) Впредь до обеспечения обороны Балтийского моря, ближайшей задачей нашей внешней политики, казалось бы, должно быть поставлено поддержание союза с Францией и дружеских отношений с Германией и старание ослабить последнюю вовлечением ее в войну с Англией.

Считая, что решение задачи надежной обороны Балтийского моря может быть достигнуто при посредстве флота, способного в открытом море бороться с флотом Германии,

¹⁾ Из архива Морискома—„Планы войны“

морской генеральный штаб полагал необходимым построить к 1920 году две эскадры, каждая в составе:

- 8 линейных кораблей,
- 4 линейных крейсеров,
- 9 легких крейсеров,
- 36 миноносцев

и оборудованную базу для нее.

Однако, учитывая задачу для балтийского флота на ближайшие два десятилетия—„лишь задержание противника в преддверии Финского залива“, решения ее „следует искать путем посильного использования естественных позиций и природных особенностей Балтийского моря“.

Оценивая таковые позиции, морской генеральный штаб пришел к заключению, что район Ревель—Порккалауд при надлежащем его укреплении может явиться рубежом, на котором флот не допустит прорыва в Финский залив сильнейшего противника. Оборудование шхерных районов северного берега залива, в качестве опорного пункта для миноносцев, расположение последних в районе Або—Моонзунд—Рига для действий в тыл неприятелю создаст еще большую устойчивость обороне.

Намечая развертывание сил в этом районе и учитывая перспективы и обстановку боя здесь, а также и то обстоятельство, что часть германских сил (половина) вероятно будет оставлена против Франции, морской генеральный штаб полагал достаточным для задержания противника при его стремлении форсировать Финский залив ограничиться одной эскадрой, в составе 8 линейных кораблей. „Эта эскадра из 8 новейших кораблей по силе будет равна 8 новейшим германским кораблям, а следовательно германцы будут иметь перевес только числом устаревших кораблей“. „Задания для линейных кораблей должны быть таковы, чтобы эту эскадру, в случае нужды, можно было бы послать куда угодно“.

Кроме того, признавалось необходимым иметь 180 минных судов (20 отрядов по 9) и 120 подводных лодок (20 отрядов по 6) и для них сеть опорных станций.

Оборудование театра намечалось в виде следующих мер:

- 1) укрепление Порккалауда;
- 2) укрепление Ревеля и устройство в нем базы для флота;
- 3) приведение главной снабжающей базы—Кронштадта, „в состояние, отвечающее своему назначению“ (устройство одного нового дока, углубление, упорядочение существующих портовых средств и пр.).

Наибольшим сроком для осуществления изложенного признавалось 10 лет.

„Ввиду же крайне опасного нашего положения на Балтийском море создание сил и средств, согласно плану, должно

вестись с таким расчетом, чтобы закончить в 1912 году постройку одного отряда линейных судов, 40 подводных лодок и 90 миноносцев“.

По черноморскому театру.

Общая политическая обстановка на Черном море, по мнению морского генерального штаба, выдвигала политические задачи:

1) Оборонительная—„обеспечение внутреннего политического положения на окраинах, прилежащих к побережью Черного моря, преграждение доступа неприятельскому флоту и парализование вмешательства Румынии и Турции в войну России с коалициями“.

2) Наступательная—„овладение проливами для обеспечения своих границ и для выхода в Средиземное море“.

Для полного решения наступательной задачи признавался необходимым боевой флот способный „после занятия Дарданелл нарушить равновесие морских сил в Средиземном море и не дать неприятельскому флоту вырвать у себя успех“. Его состав, кроме уже имеющихся морских сил на Черном море, намечался в размере:

8 броненосцев,
4 броненосных крейсера,
9 легких крейсеров,
36 миноносцев,
26 подводных лодок

и соответственного количества вспомогательных средств.

Такой флот должен был бы быть готов не позже 1919 г.—момента окончания программы германского флота.

„К 1912 году может быть выстроена половина эскадры, которую надо усилить минным флотом и в особенности подводными лодками и минными транспортами с большим количеством мин заграждения. При этих условиях в 1912 году можно более широко выполнить оборонительные задачи, а именно: 1) преградить доступ неприятелю в Черное море и 2) парализовать вмешательство Турции и Румынии в борьбу России с коалициями“.

Сужая задания и „возлагая на черноморский флот только главную часть оборонительной задачи, а именно преграждение доступа неприятельскому флоту в Черное море“—морской генеральный штаб считал что „можно на ближайшее десятилетие ограничиться лишь заменой устаревшего минного флота новыми минными судами, ремонтом старых броненосцев, их перевооружением, а также заготовкой большого запаса мин заграждения. К минному флоту должны быть добавлены, кроме того, 4 легких крейсера...“

Для оборудования Черноморского театра намечалось: приведение в должный порядок Севастопольского военного порта, начав с постройки там большого аварийного дока, углубить канал в Николаеве до 30', построить ряд угольных пристаней в отдельных портах и пр.

По тихоокеанскому театру.

Касаясь тихоокеанского театра, морской генеральный штаб развивал весьма широкие планы по сосредоточению там двух полноценных (по 8 линейных кораблей и пр.) эскадр для борьбы с японским флотом. Эти силы должны были быть собраны в Балтике, а потом уже сделать организованный переход на Восток. Был самым тщательным образом разработан марш-маневр этих сил, при чем по годам были распределены подготовительные мероприятия для оборудования баз в пути (ставился вопрос о приобретении острова в Греческом архипелаге, арендовании участков и оборудовании складов на протяжении всего пути). Между прочим, был поставлен вопрос о необходимости гидрографических изысканий для выяснения проходимости великого северного пути, кругом Сибири ¹⁾.

В итоге морской генеральный штаб предложил 4 варианта судостроительной программы:

Вариант № 1—создание 4 полноценных эскадр (32 линейных корабля), по одной для Балтийского и Черного морей, и двух для Дальнего Востока.

Вариант № 2—трех эскадр: 2 для Балтийского и 1 для Черного морей.

Вариант № 3—двух эскадр: по одной для Балтийского и Черного моря, и

Вариант № 4—одной эскадры для Балтийского моря.

Одобрив доклад, Николай II приказал внести на рассмотрение совета государственной обороны только вариант № 4, составленный для обороны Финского залива.

2 апреля морской министр вторично вошел с докладом к царю о дальнейшем направлении соображений морского генерального штаба. На этом докладе последним была положена резолюция: „рассмотреть в совете государственной обороны общие основания доклада морского генерального штаба. В основу средств, необходимых для выполнения задач Балтийского флота, должен быть поставлен линейный флот“.

¹⁾ Мы изложили „стратегические основания“ крайне конспективно, опуская многие подробности. Позже, при изложении планов развертывания балтийского и черноморского флотов (главы VIII и IX) нам придется вернуться к ним, так как они содержали в себе основные идеи этих планов.

Согласно этой резолюции, „основания“ были внесены морским министром в совет государственной обороны, с составленным перечнем вопросов, из которых первый был: „правильно ли поставлена задача Балтийскому флоту—оборонять Финский залив и вместе с тем представлять собой свободную морскую силу для поддержания интересов империи во внешних водах,—положенная в основание стратегических соображений морского генерального штаба?“

Заседание совета государственной обороны состоялось 9 апреля. После длительного обмена мнений, проходивших при усилении сухопутных членов совещания придать лишь оборонительное значение задачам флота и вообще при уклоне в сторону сужения его перспектив, совет постановил:

1) „Внесение вопроса о судостроительной программе в законодательные учреждения должно состояться после рассмотрения в совете государственной обороны плана общих потребностей военного и морского ведомств, с выделением в первую очередь наиболее неотложных, вызываемых необходимейшими нуждами государственной обороны“.

2) „Морским генеральным штабом должна быть разработана судостроительная программа линейного флота, предназначенного представлять собою свободную морскую силу России для поддержания интересов империи там, где в том встретится надобность, не связанную исполнением определенных оборонительных задач“.

3) „Одновременно с этим на основании утвержденного государем 4 марта с. г. постановления совета государственной обороны, совместной деятельностью начальников обоих генеральных штабов должны быть разработаны планы обороны морских побережий, руководствуясь которыми, должна быть разработана программа постепенного и последовательного создания морских сил и средств, необходимых для осуществления задач подвижной обороны берегов“.

Дальше этого совет государственной обороны не пошел и вопрос о начале нового судостроения был вновь отложен. 30 апреля морской министр сделал доклад, в котором просил царя разрешить внести на рассмотрение совета министров ходатайство о назначении морскому ведомству определенного кредита на постройку новых судов на время хотя бы не более 4 лет, по 31 миллиону в год, составить программу в пределах этого кредита и по рассмотрении ее в адмиралтейском совете представить государю на одобрение, для испрошения необходимых на ее выполнение кредитов в установленном порядке¹⁾. На этом докладе Николай II положил резолюцию: „согласен, вопрос этот рассмотреть вне очереди“.

¹⁾ Дело Морискома № 1271.

Тогда министр (3 мая) вошел с представлением в совет министров, который 8 мая рассмотрел это представление и, „как в видах скорейшего возрождения русского флота, так и в целях поддержки отечественных судостроительных заводов“, не встретил препятствий к обращению на расходы для немедленного приступа к работам условно отпущенный на этот предмет в 1907 году кредит в размере 2.700 т. р. „Относительно же ежегодного отпуска на ту же потребность в течение 1908—1911 г. г. по 31.000.000, то совет правомочен и готов выразить свое согласие на представление генерал-адъютанту Дикову права заносить соответствующие ассигнования в проекты расходных смет по морскому ведомству на предстоящее четырехлетие. Самый же отпуск таковых кредитов может последовать только в установленном сметном порядке через законодательные учреждения“.

6 июня 1907 года была доложена государю составленная морским генеральным штабом „малая“ судостроительная программа соответственно отпущенному советом министров кредиту и предоставленному праву морскому министру ежегодно вносить в смету в продолжение 4 лет по 31 млн. рублей на судостроение¹⁾.

Первоначальный проект малой судостроительной программы предусматривал постройку для Балтийского флота:

- 2 броненосцев по 21.000 т.
- 72 Миноносцев 100 т.
- 30 Подводных лодок 80 т.
- Оборудование м. станций
- 2 легких крейсеров по 4.000 т.
- 18 миноносцев по 700 т.
- 6 подводных лодок по 400 т.
- 3 транспорта по 2.500 т.
- 10.000 мин заграждения

Всего на сумму 126 млн. рублей.

Эта программа была утверждена, но потом в самом генеральном штабе она встретила возражения со стороны отдельных работников, в частности, против большого числа минных судов в зачет линейных, вследствие чего вновь была переработана.

Новая переработанная программа получила название „распределение ассигнований на судостроение“.

Она заключалась в следующем:

Ассигновано всего на 1907—11 г. г.—126,7 млн. р.

¹⁾ Дело Морискома № 1271.

1) Достройка начатых броненосцев, крейсеров и миноносных судов и портовых средств—21,7 млн. р.¹⁾.

2) Постройка вновь:

Для Балтийского моря.

4 броненосца по 21.000 тонн.

Плавучая база.

3 подводных лодки по 80 тонн.

Для Черного моря.

14 эскадренных миноносцев по 700 тонн.

3 подводных лодки по 450 тонн.

Всего 126,7 млн. руб.

Примечание. В конце декабря 1907 года председателем совета государственной обороны, была составлена записка, касающаяся всех отраслей государственной обороны, и была им разослана всем лицам, стоящим во главе управлений и ведомств, так или иначе соприкасавшихся с вопросами последней.

Записка морскому министру была прислана при особом рескрипте, в котором великий князь писал, что „наша живая сила—армия, флот и весь организм обороны государства находится в грозном по своему несовершенству состоянии, и безопасность государства далеко не обеспечена“. Это вызвало в нем потребность высказать свое мнение по этому вопросу. Относительно флота в записке сказано: „последние тяжелые годы нашей войны показали, что самая слабая сторона нашего флота—это живая сила. Во флоте одинаково, как и в сухопутной армии, живая сила—главное. Следовательно, прежде всего надо выяснить причины, почему живая сила флота не на должной высоте, ее исправить, довести до желаемого состояния и дать ей устройство соответственно боевым и техническим потребностям флота. По мере накопления соответственной живой силы должно идти и кораблестроение. Согласно тех сумм, которые государство может тратить на флот, должно быть определено, какие цели и в каких морях флоту поставлены. Какие задачи наиболее обеспечивают успех действий флота в каждом море и при наличии каких средств. При этом нужно классифицировать моря по их важности в смысле обороны государства и тем задачам, которые в каждом море флоту по силам. В соответствии с этим должна быть создана на несколько лет судостроительная программа для каждого моря. Очевидно, стратегическая оценка морей должна быть сделана совместно сухопутными и морскими штабами и ими же определены задачи флота в каждом море“²⁾.

Затем указывался метод совместной работы обоих штабов для создания общей программы...

На это морской министр ответил, что деятельность морского ведомства как раз протекает в том направлении, какое указывается его запиской...

¹⁾ Кредит в 21,7 млн. р. предусматривал достройку броненосцев „Андрей Первозванный“, „Император Павел I“, „Иоанн Златоуст“ и „Евстафий“, крейсеров—„Баян“, „Адмирал Макаров“, „Рюрик“ и „Паллада“, 2-х подводных лодок, 4-х канонерских лодок, минных транспортов „Амур“ и „Енисей“ и 4-х минных крейсеров по 600 тонн, заложенных во время русско-японской войны.

²⁾ Дело Морискома № 3304.

Выработанная генеральным штабом программа („распределение ассигнований на судостроение“) 1 февраля 1908 года разбиралась в совете министров¹⁾. В заседании принял участие и председатель совета государственной обороны.

Председатель совета министров Столыпин при открытии заседания обратил внимание на необходимость точного выяснения отношения правительства к предстоящему рассмотрению сметы государственной думой, среди членов которой замечается явно отрицательное отношение к смете морского ведомства; в особенности в части, касающейся судостроительной программы, при чем затрагиваются вопросы об общем плане обороны страны, а следовательно, наличия единой согласованной программы по военному и морскому ведомству.

Обсудив вопрос о необходимости точного обоснования не только морской, но и военной сметы, совет министров отметил, что „в настоящее время в распоряжении правительства не имеется определенного и согласованного по всем частям государственного управления, а прежде всего по военному и морскому ведомствам, оборонительного плана государства и соображенной с сим планом, имеющим охватить деятельность всех министерств, программы развития вооруженных сил империи. На скорейшее выполнение означенной задачи следует обратить самое серьезное внимание, ибо без такого плана и программы все проектируемые по военному, морскому и другим соприкосновленным ведомствам начинания не будут иметь прочной основы и надлежащей планомерности, желательных во всех государственных мероприятиях и сугубо необходимых в ныне предстоящем России исключительно важном деле возращения ее военно-морской мощи“.

Это постановление совета министров было рассмотрено Николаем II 2 марта 1908 года, который написал резолюцию: „общий план обороны государства должен быть выработан короткий и ясный, на одно или два десятилетия. По его утверждении он должен быть неуклонно и последовательно приводим в исполнение“.

Таким образом, смета морского ведомства в совете министров не подверглась никаким изменениям и поступила в бюджетную комиссию государственной обороны государственной думы.

Отклонение государственной думой кредитов на судостроение. Думская подкомиссия составила по этому поводу обширный доклад, в котором подвергла критике деятельность морского ведомства вообще. Обращаясь к судостроительным предположениям морского ведомства, подкомиссия усмотрела, что „не все испрашиваемые на упомянутый кредит ассигнования представляются обоснованными в оди-

¹⁾ Дело Морискома № 1403.

наковой мере. Морское министерство предполагает приступить к сооружению как линейных кораблей, так и ряда судов мелкого типа. Несомненно, что интересы флота требуют нахождения в его составе как крупных, так и мелких боевых единиц; несомненно, что только эскадра, состоящая из крупных судов, может считаться действительно боеспособной; так же точно несомненно, что для развития полной ее силы и для возможности ее действия при всяких обстоятельствах она должна быть снабжена достаточным количеством судов как специального назначения, так и вспомогательных. Но при условиях настоящей минуты возникает серьезное сомнение в достаточной подготовленности нашего морского ведомства к выполнению первой части задачи — усилению линейного флота России.

Опыт недавней войны засвидетельствовал, что вся организация как центральных, так и местных установлений морского ведомства нуждается в коренном преобразовании. Только глубокая реформа административных и технических учреждений министерства способна обеспечить действительно плодотворную работу ведомства вообще, а в деле судостроения в частности.

Если бы кредиты на судостроение были ассигнованы до реформы морского ведомства, то позволительно предположить, что осуществление новой судостроительной программы оказалось бы в тех же неудовлетворительных условиях, в которых находилось судостроение до последнего времени. Это обстоятельство обуславливает, в свою очередь, крупный недостаток, сказывающийся отсутствием при самом испрошении судостроительных кредитов какого бы то ни было законченного плана судостроения, согласованного с общим планом обороны государства.

Все это, вместе взятое, даже при условии полной готовности судостроительных заводов к принятию соответственных заказов, не обеспечивает, повидимому, необходимой производительности ассигнований на постройку крупных эскадренных боевых судов и заставляет предполагать более целесообразным отложить подобные сооружения впредь до осуществления вышеуказанных преобразований и представления в законодательные учреждения подробной финансовой программы восстановления морской обороны страны.

При наличии настоящих условий большую целесообразность возможно усмотреть в немедленном ассигновании на суда специального назначения и вспомогательные, как-то: на миноносцы и подводные лодки и на необходимые для них суда-базы. Сравнительно небольшая цена каждого отдельного такого судна и возможность относительно скорой постройки их устраняет для них опасность быть неготовыми к минуте столкновения. Подводное плавание, делающее в настоящее

время большие успехи в виду быстрого усовершенствования типов судов настоятельно требует того, чтобы не отстать, не останавливаться в деле дальнейшей постройки нашего подводного флота...“

Комиссия приняла следующие постановления, которые и были утверждены на заседании думы:

1) Признать наличие дееспособного флота необходимым для соответствующей обороны государства.

2) Признать, что планомерное и целесообразное воссоздание флота возможно: а) лишь после коренной реорганизации морского ведомства и б) при условии предварительного утверждения в законодательном порядке финансовой судостроительной программы, охватывающей продолжительный период времени.

3) Кредиты на сооружение линейных кораблей на 1908 год отклонить.

4) Кредиты на окончание уже начатых судов, а также все кредиты на артиллерию утвердить.

5) Кредиты на сооружение миноносцев, плавучей базы и подводных лодок утвердить.

6) Обратить внимание морского министерства на необходимость окончания вышеуказанных строящихся и предназначенных к постройке судов в кратчайший срок.

7) Обратить внимание морского министерства на настоятельную необходимость:

а) использования всего навигационного времени для плавания судов активного флота;

б) в частности нахождения черноморского флота в кампании не менее 10 месяцев в году.

Правительство не согласилось с постановлением государственной думы и внесло смету в государственный совет, который поддержал его точку зрения. Кредиты на судостроение Балтийского моря¹⁾ были внесены в роспись согласно статьи 13 правил о рассмотрении государственной росписи.

Морское министерство продолжало разрабатывать проекты кораблей (они оказались дороже, нежели те, которые были предусмотрены в программе), представило их 19 октября в совет министров. Проекты были одобрены последним и утверждены Николаем II, который приказал приступить к постройке 4 линейных кораблей.

Таким образом, после 4 лет борьбы, многих докладов, споров, совещаний и советов морское министерство получило „наконец“ кредиты на новое судостроение. 30 июня 1909 г. были заложены наши первые линейные корабли типа „дредноут“: на Балтийском заводе—„Петро-

¹⁾ Дело Морискома № 1403.

павловск" и "Севастополь", на заводе нового адмиралтейства—"Гангут" и "Полтава".

В том же 1909 году произошло событие, имевшее чрезвычайное значение для флота: 12 августа был упразднен совет государственной обороны, деятельность коего, а особенно председателя, вел. кн. Николая Николаевича, была всецело направлена к затруднению осуществления постройки флота.

Общий обзор внутренних реформ морского ведомства в период 1905—1909 г. г. Помимо изложенной деятельности морского ведомства по установлению задач флота и выработке программ нового судостроения, в период 1905—1909 г. г. в его недрах шла большая работа по упорядочению общей постановки дела и использования опыта русско-японской войны.

Не имея возможности остановиться подробно на изложении всех мероприятий, которые были сделаны в этом отношении, отметим лишь главнейшие:

1) Центральный аппарат управления был реформирован. Убран безответственный глава ведомства генерал-адмирал и восстановлена должность морского министра; учреждение морского генерального штаба внесло ясность и планомерность в работу ведомства. С этого времени начинают тщательно разрабатываться планы войны и подготовки к последней. Функции главного морского штаба ограничены сферами ведения личным составом флота и строевой распорядительной деятельностью ведомства. Технические и хозяйственные учреждения реформированы, состав их обновлен.

2) На флотах произведена крупная реформа управления, имеющая определенную тенденцию—сосредоточить всю власть в руках старшего плавающего адмирала, стоящего во главе флота. До русско-японской войны и первое время после командование флота в морях производилось с берега (главным морским штабом и главными командирами портов), плавающий флот не имел прочной организации. Теперь интересы боевого флота, возглавляемые плавающим начальником, были поставлены на первый план. Командующие морскими силами получили инициативу в деле их подготовки.

3) До реформы корабли плавали только летом (кроме находящихся в заграничных водах), на зиму они кончали кампанию, команды перебирались в береговые экипажи, судовая жизнь останавливалась. Этот порядок прекратился: число месяцев плавания было увеличено, команда постоянно оставалась на кораблях, подготовка не прекращалась и зимой.

4) Цензовая система прохождения службы офицерами была упразднена. На высшие посты получили возможность продвигаться способнейшие.

5) Реформирована подготовка командного состава. Увеличена практика плаваний. В частности, был образован специальный отряд судов для плавания с корабельными гардемаринами, который ежегодно на зиму уходил за границу.

6) Флот получил определенную и обоснованную организацию в отношении разделения его на отряды и группы; пересмотрены правила служб на судах и права отдельных начальников.

7) Боевая подготовка флота была поставлена в рамки, продиктованные опытом войны.

8) Военное образование офицеров требовало особенной заботы. До сих пор оно было пренебрегаемо. Существовавшая морская академия готовила лишь специалистов техников, военные науки преподавались в качестве второстепенных предметов и по содержанию своему не отвечали современным условиям. В этот период был учрежден в академии военно-морской отдел (соответственно военной академии генерального штаба); военные науки начали разрабатываться, к их изучению был привлечен командный состав. Равным образом, была реформирована подготовка учебного дела в прочих учебных заведениях морского ведомства.

9) Наконец, следует отметить пробуждение инициативы и самостоятельности в среде командного состава флота и в кругах, близких к нему. Образовывались общества и кружки, ставившие целью изучение военно-морских вопросов; взаимную информацию и пропаганду идей флота в широких слоях населения („Лига обновления флота“, „Российский морской союз“, „Общество офицеров флота“, „Общество ревнителей военно-морских знаний“, „Петербургский военно-морской кружок“ и пр.). Эти общества, обладавшие значительным количеством членов, весьма содействовали оздоровлению флота. Некоторые из них имели свои печатные органы.

Заключение. Заканчивая изложение периода деятельности морского ведомства в 1905—1909 г.г., резюмируем:

1) Четыре года после русско-японской войны ушли полностью на внутреннюю реформу морского ведомства. Были определены задачи флота, намечены пути его воссоздания. Но реально морские силы за это время увеличены не были; в постройке находились суда, заложенные еще до окончания войны; осуществление же новых судостроительных программ встречало ряд препятствий.

2) Прекращение судостроительной деятельности в момент небывалого ослабления флота приводило к все возрастающему неравенству морских сил России, сравнительно с таковыми ее возможных противников. Русский флот был уничтожен и судостроение приостановлено как раз в то время,

когда Германия приближалась к окончанию намеченной ею еще в 90-х годах программы.

Острота потери флота в русско-японскую войну могла быть значительно преуменьшена новым судостроением. Последствием этой войны было появление нового типа линейного судна („дредноута“), которое отвело на второй план существовавшие ранее. Не только Россия, но и все государства должны были обновлять состав своих флотов. 1906—1909 г.г. были критическими в судостроении вообще. Тем тяжелее должен был сказаться перерыв в судостроении для России в тот момент. Поскольку потом возник вновь вопрос о конкуренции с Германией—он явился для России уже безнадежным, по крайней мере в течение ряда многих лет.

3) Среди препятствий, которые встречало морское ведомство, помимо общих причин, связанных с недостатком ресурсов государства, внутреннего положения последнего, падения престижа ведомства и пр., приходится особенно выделить противодействие совета государственной обороны, а так же известный антагонизм, создавшийся между руководящими кругами ведомств военного и морского.

Военное министерство исходило только из интересов прибрежной обороны, ему были чужды идеи использования морской силы в качестве активного средства войны. В частности, один из влиятельнейших руководителей военного ведомства, великий князь Николай Николаевич был в числе ярых противников активного флота, что, несомненно, сказывалось на его развитии в течение всего рассмотренного периода.

4) Попытки согласовать работу обоих ведомств путем создания единого плана восстановления вооруженных сил царской России не дали положительного результата и их фактическое влияние свелось лишь к задержке проведения программ усиления флота.

5) Обнаружившаяся шаткость позиции морского министерства обуславливалась, прежде всего, неясными политическими директивами флоту. Выше было приведено письмо начальника морского генерального штаба министру иностранных дел, в котором он испрашивал политические задания, но таковых не получил. Морской генеральный штаб, произвольно комментируя политическую обстановку, учитывал Англию в качестве наиболее опасного противника, предлагая содружество с Германией и втягивание ее в войну с первой.

Николай II одобрил эти взгляды, а в то же время министерство иностранных дел, несомненно также с его одобрения, готовило соглашение с Англией.

Отсутствие определенных политических директив, естественно, влекло за собой неясность принимаемых стратегических решений, вселяя неуверенность в практические мероприятия по подготовке к войне.

6) Таковая беспочвенность чувствуется в работе морского генерального штаба в первые годы его существования. „Стратегические основания“ 1907 года предлагают „на выбор“ 4 варианта судостроительной программы, из коих первый и последний вчетверо разнятся между собой. Соответственно различны и задачи флота. Одобренная царем „малая программа“ тотчас самим же генеральным штабом, ее составившим, опротестовывается и выдвигается другая, основанная на противоположном принципе. Отсутствие масштаба, отсутствие вполне прочных идей—результат неимения вышеупомянутых политических директив, с одной стороны, а с другой—следствие оторванности ведомства от работы других министерств.

7) Совет государственной обороны, совет министров, позже государственная дума и, наконец, сам Николай II указывали не необходимость общего плана обороны государства, который бы установил задачи вооруженных сил и нормировал их развитие. Это являлось лишь общим пожеланием, не более того. Военное и морское ведомство не могли согласовать работу между собой, хотя было создано специальное учреждение, которое должно было объединять их (совет гос. обороны), министерство иностранных дел не могло дать определенных политических задач, министерство финансов не входило близко в задачи флота, и пр.

В таких условиях протекала вся деятельность морского ведомства, стремившегося в общем выполнить систематически задачу первейшего значения для государства—обеспечения его морской обороны.
